

УДК 82-54

ББК Ш100.621

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55

Т. А. Островская

Майкоп, Россия

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ДИСКУРС ЭЛИТЫ: ПРИЗНАКИ И ФУНКЦИИ

Аннотация. Предпринимается попытка описания сложного лингвистического явления — поведенческого дискурса элиты. Выявляются его конститутивные признаки и функции, вербальные и невербальные составляющие.

Ключевые слова: элита; поведенческий дискурс; вербальные и невербальные составляющие; конститутивные признаки; семиотика.

Сведения об авторе: Островская Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии.

Место работы: Адыгейский государственный университет (г. Майкоп).

Контактная информация: 385012, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208.
e-mail: ostrovska.t@mail.ru.

Применительно к контексту разных социальных институтов или макросоциальных функций (искусство, религия, спорт, наука, политика) в современной лингвистике выделяют множество типов дискурса. Ученые-лингвисты считают дискурс комплексным явлением, при анализе которого рассматриваются не только уровни языка, но и социальные характеристики, включая оценочную информацию, личностные характеристики, типы социокультурных ситуаций, а также вербальные (лингвистические) и невербальные параметры дискурса.

Целью статьи является определение конститутивных признаков и функций поведенческого дискурса элиты. Разнообразие методологических подходов к исследованию поведенческого дискурса элиты свидетельствуют о структурной сложности и содержательной глубине исследуемого дискурса.

Интерпретацию дискурса элиты (элитарной личности) невозможно ограничить лишь языковыми составляющими. При таком подходе его сущность и цели останутся незамеченными или будут исследованы односторонне. Термины «поведенческий дискурс элиты» и «поведенческий дискурс элитарной личности» в тексте статьи употребляются как синонимы, при этом первое определение шире: оно включает в себя описание поведенческих паттернов макросоциальной группы элиты. Под элитой понимаются индивиды, «которые обладают такими качествами, как высокая вариативность поведения, высокая когнитивная структурированность мышления, ярко выраженная способность к социальной адаптации, социально значи-

Т. А. Ostrovskaya
Maikop, Russia

BEHAVIORAL DISCOURSE OF THE ELITE: CHARACTERISTICS AND FUNCTIONS

Abstract. An attempt is undertaken to describe the complex linguistic phenomenon of behavioral discourse of the elite. Its constitutive characteristics and functions are defined alongside with the verbal and non-verbal components.

Key words: elite; behavioral discourse; verbal and non-verbal components; constitutive characteristics; semiotics.

About the author: Tatiana Aleksandrovna Ostrovskaya, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of English Philology.

Place of employment: Adigeya State University (Maikop).

мый характер установки» [Васильева 2011: 8]. Дискурсивное пространство элитарной личности как представителя социального института образуется под влиянием дисциплинирующей силы внешних факторов. Эти факторы влияют на личность и контролируют все ее стороны жизни как через языковые средства воздействия, так и через другие механизмы, например через моду, средства массовой информации и другие, в чем и проявляются воздействующие функции каждого типа дискурса.

Само понятие дискурсивного пространства выходит далеко за пределы представления о тексте в его классической трактовке. Поскольку создание и восприятие текста ситуативно обусловлено, экстралингвистические факторы рассматриваются как элементы более широкого дискурсивного контекста. Такой контекст обладает широким набором экстралингвистических параметров и признаков: социальное пространство и эпоха, арсенал субкультуры элиты, рекрутизация понятий из других субкультур, модификация поведенческих паттернов элиты и пр.

Рассмотрение дискурса через поведенческие модели, т. е. исследование поведенческого дискурса элиты, предполагает знание «сценической площадки» (со всеми присущими ей чертами и оснащением), на которой разворачивается действие, декораций, на фоне которых происходят события, текста, который произносят актеры, скрытых мотивов их поступков — типичных для данной конкретной эпохи или диссонирующих, выходящих за рамки привычных социальных паттернов. Если дальше развивать «сцени-

© Островская Т. А., 2013

ческую» метафору, можно отметить, что ожидания аудитории оправдывают как произносимые актерами тексты, декорации, костюмы, позы и интонации актеров, так и степень логичности взаимосвязи вербальных и невербальных элементов разворачивающегося действия.

Поведенческий дискурс элитарной личности понимается как развернутое во времени речевое произведение, являющее совокупность словесной (вербальной) и невербальной составляющих. Это своеобразный вербальный способ передачи социального символизма, воспроизводящий социально релевантные образы структурируемой действительности.

Поведенческий дискурс элиты, равно как любой другой социальной группы, является *средством хранения, передачи и регуляции знаний* при формировании локальных поведенческих дискурсивных практик, которые интегрированы во все социокультурные институты, так как в каждом из них есть своя элита.

Поведенческий дискурс элиты представляет собой и комплекс дисциплинарных практик [Фуко 1999: 233], проявляющихся как эффект властных отношений, которые образуют интеллектуально-ценностный фон, конституирующий определенные знания, действия, ценности и поведенческие модели элитарной личности, причем часто этой личность не осознаваемые. Это означает, что поведенческий дискурс элитарной личности ориентирован на создание такой модели личности, социального и культурного субъекта, которая отвечала бы базовым ценностям элиты, определяемым через совокупность концептов, формирующим дискурс элиты. Например: *There is a price to be paid for membership in the most exclusive family in the world. <...> Upon joining, newcomers must surrender themselves to the protocol and habits already established. Old friends and old ways must be discarded, at least publicly. <...> Spontaneity is frowned upon except in the most carefully prearranged circumstances, like a visit to a children's hospital where Diana is expected to "spontaneously" embrace a child* [Seward 1997: 14]. / Приходится платить определенную цену за то, чтобы стать членом самой привилегированной семьи в мире. Новый член семьи должен следовать требованиям протокола и не нарушать установленных правил. Он должен избавиться от старых друзей и от прежних привычек, по крайней мере, на публике. Всякое проявление импульсивности осуждается, если только это не тщательно срежиссированный „порыв“, как в случае посещения Ди-

ной детской больницы, когда она обняла ребенка [перевод наш. — Т. О.]

Лексические единицы служат средствами актуализации дискурсообразующих концептов, в дискурсивном пространстве они дополняются невербальными, поведенческими компонентами. Поведенческий дискурс элиты характеризуется *высокой степенью концептуальности* и является доменом для множества лингвокультурных концептов. Для исследования его семиотики важно выявить дискурсообразующий потенциал базовых и периферийных концептов. К ним можно отнести:

- концепт избранности;
- концепт власти;
- концепт публичности;
- концепт социальной значимости;
- концепт привилегии;
- концепт политического влияния;
- концепт компетентности;
- концепт профессионализма;
- концепт ответственности;
- концепт успеха;
- концепт материального благосостояния (деньги);
- концепт нравственности и сохранения традиций;
- концепт целеустремленности;
- концепт космополитизма;
- концепт цинизма;
- концепт люмпенизации;
- концепт рациональности;
- концепт сnobизма;
- концепт харизматичности;
- концепт консюмеризма;
- концепт интеллигентности;
- концепт свободы [Островская 2012: 95].

Каждый из концептов способен образовывать субдискурсы, которые в свою очередь формируют строй дискурса. Их борьба за гегемонию приводит к временным ситуациям доминирования определенных дискурсов, т. е. в определенном месте в определенное время модификация дискурсивных практик приводит к формированию некой новой конфигурации дискурса элиты.

Лингвокультурное пространство поведенческого дискурса элиты можно представить в виде схемы: центральное место займет базовый концепт «элитарная личность», поскольку реализация всех вышеперечисленных концептов возможна только через поступки, действия (т. е. поведение) элитарной личности. Концепт «элитарная личность», безусловно, является ядерным для всех субдискурсов элиты.

В процессе развития дискурсивных практик происходит их модификация, в чем и заключается *репродуктивный характер* дея-

тельности (поведения) субъекта дискурса. Основным стремлением субъекта, в данном случае элитарной личности, является, с одной стороны, введение инноваций, которые появляются благодаря пониманию своей социальной роли внутри сообщества (элиты) и наличию индивидуальных особенностей. С другой стороны, объект стремится поддержать существующие социальные паттерны. Эти противоположно направленные процессы в совокупности формируют поведенческий дискурс элитарной личности на макросоциологическом уровне, в чем и состоит социокультурная функция поведенческого дискурса. Для модифицированной элиты нового тысячелетия характерны черты, которые появились благодаря возникновению и широкому распространению новых технологий и компактных мобильных устройств, что обусловило новые социальные матрицы дискурса (термин Нормана Фэркло), при которых «*привилегированные жители как Европейской, так и Тихоокеанской сферы, а также богатейших примыкающих к ним провинций станут освобожденными, наделенными властьюnomадами, связанными между собой лишь желанием, воображением, алчностью и амбицией.* Такая новая кочевая элита уже формируется, уже разрывает свои связи с родными местами — своим народом, своими близкими...» [Аттали 1993: 18].

На закрепление социальных паттернов элиты, передачу культурных и институциональных ценностей в условиях борьбы дискурсов за гегемонию, каждый из которых является носителем отдельной субкультуры, влияют средства массовой информации [См.: Чудинов, Будаев 2006: 167]. Следовательно, можно утверждать, что СМИ являются средством пролиферации поведенческого дискурса элиты: «Культура слова в символическом пространстве культуры вытесняется визуальной, или видеокультурой. Источником культурной информации в эпоху медиакратии становятся экраны СМИ. Перед экранами кино и ТВ, мониторами компьютеров люди проводят значительную часть своего жизненного времени. Основная экранная продукция — картинки, анимационные, виртуальные образы. „Картина“ в соединении с озвучкой, как известно, обладает большей суггестивной силой, чем вербальные знаки. Символическое поле значений и смыслов (добавим: и поведенческих моделей. — Т. О.), формируемое с помощью экранной картинки, постоянно расширяется, вытесняет на периферию массовой культуры национальные компоненты» [Русакова, Русаков].

Онтологичность поведенческого дискурса элиты состоит в том, что элиты вечно и, пока существует человечество, будут существовать и элиты, а на место исчезнувшей заступает новая, которая не всегда лучше старой. Поведенческий дискурс элиты включает в себя такие ключевые категории, как избранность, принадлежность к власти, публичность, сохранение традиций, харизматичность, наличие политического влияния, социальной значимости, привилегий, профессионализма, ответственности. В совокупности они образуют категорийно-понятийное поле, ядром которого является «элитарная личность».

Семиотичность поведенческого дискурса элиты. С точки зрения семиотики поведенческий дискурс элиты представляет своеобразную знаковую систему, в которой происходит изменение семантики разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий в совокупности с невербальными моделями поведения, включающими кинесику и другие поведенческие реакции в рамках символического интеракционизма. Приведем пример: *В каждом обществе есть своя символика для того, чтобы отличить элиту от простого смертного. В <...> африканском племени это может быть ожерелье из зубов убитых зверей (или врагов из другого племени) В странах типа Узбекистана или Таджикистана это количество золотых зубов во рту, причем это не означает, что элитарен тот, у кого раньше других зубы повыпадали. Для обозначения своей элитарности вырывают здоровые зубы, чтобы заполнить рот золотом. У „новых русских“ мера элитарности определяется толщиной золотых цепей* [Розанова].

Конвенциональность поведенческого дискурса элиты проявляется в различных семантических формах: вербальных — клише, идиомы, прецедентные тексты, метафоры [См.: Чудинов 2008: 86—93], сленгизмы и прочие, невербальных — кинесика, поведенческие реакции, мир вещей и пр. Например: *На планете „Кин-дза-дза“ в фильме Данелии наиболее элитные слои определялись по цвету штанов: кто носит желтые штаны, перед тем положено приседать два раза с приветствием „ку“, красные штаны — три раза „ку“. „А как у вас на Земле определяют, перед кем надо три раза присесть?“, — спрашивает инопланетянин. „А, так это на глазок“, — отвечает землянин. „Ну вы там и дикари!“ — констатирует житель планеты Кин-дза-дза. В общем, да, дикари. Разве что кроме военных, у которых все четко прописано на по-*

гонах, так что когда встречаются двое людей в военных формах, они обычно, здороваясь, смотрят не в глаза, а на плечи [Там же].

Институциональность поведенческого дискурса элиты является его неотъемлемой характеристикой, так как субъектами дискурса элиты являются представители различных институтов: элиты по происхождению, меритократической элиты (творческой, культурной, политической, национальной, спортивной, религиозной и др.). Институты, по мнению Талкотта Парсонса, это «всеобщие модели норм, которые очерчивают категории предписанного, разрешенного или запрещенного поведения в социальных отношениях людей, в их взаимоотношениях друг с другом как членов общества и его различных подсистем и групп» [Parsons 1960: 177].

Идеологичность поведенческого дискурса элиты основывается на традиционной связи элиты и власти. Это система социальных взглядов, коллективно-групповых знаний, верований, основанная на групповых ценностях, нормах, интересах. Дискурс идеологичности позволяет осуществлять поиски истинного смысла, предзаданности соответствия неких явлений четко определяемым целям субъекта деятельности не только в рамках речевых коммуникаций, но и практически во всех типах коммуникативных практик, в том числе и поведенческих паттернах элиты: «Именно дискурс идеологичности делает абсолютно очевидным, понятным действительный смысл предназначения президентской речи, любого рекламного ролика, величественного офиса или PR-акции дарения игрушек детскому дому во время предвыборной кампании, позволяет осуществлятьrationально-логическую операцию кодирования и декодирования этого имманентного смысла» [Арапова 2007: 121].

Интертекстуальность поведенческого дискурса элиты выражается в его свойстве воспроизводить паттерны как вербального, так и невербального поведения в рамках выражения определенной идеологии, социокультурных установок, ценностей, норм. Классическое определение понятиям интертекстуальность и «интертекст» дал Р. Барт: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры» [Барт].

В приведенном ниже примере действие происходит в Гонконге в последний год присутствия британцев.

— Когда сюда приедет НОАК (Народно-освободительная армия Китая), настанет

всему каюк, — каламбурил он. — Так этим макакам и надо. Гонконг был рыбакским поселком до нас и им же станет после нас.

Этот голос показался мне более чем знакомым. Это был глас вековых aristokratischen призваний, бесчисленных элитных школ и колледжей, глас, чопорно и высокомерно изрекавший чушь собачью с самоуверенностью пророка и считавший себя истиной в последней инстанции.

— Отдайте все здесь косоглазым и любуйтесь, как они станут резать курицу, несущую золотые яйца. Хотя не подлежит сомнению, что они сожрут все, что угодно.

Я повернулся и посмотрел в его сторону.

Я увидел его — этакого бычка в дорогом костюме, светловолосого, вскормленного бифштексами с кровью, регби и англиканскими гимнами. Такой вот вкус чистопородной британской говядины, может, самую малость тронутую коровьим бешенством.

Бычок продолжал громогласно разглагольствовать, даже не думая взять на полтона ниже [Парсонс 2011: 26—27].

Прагматический аспект поведенческого дискурса элиты заключается в его функциях, главными из которых являются социальная солидарность, поддержание и сохранение системы ценностей, рекрутизация элиты, функция социального контроля.

Неоднозначность и многосторонность подходов к определению доминирующих функций поведенческого дискурса элиты отражает его полипарадигматичность и сложность как общественного феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арапова М. А. Дискурс идеологичности, или Теоретико-методологические основания социологического анализа идеологических процессов // Изв. Урал. гос. ун-та. 2007. № 51. С. 117—129.
2. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. — М. : Международные отношения, 1993.
3. Барт Р. Мифологии. URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/bart/2/.
4. Васильева Л. Н. Теория элит: социология политики. — М. : Социум, 2011.
5. Островская Т. А. Взаимодействие концептов и дискурса в исследовании дискурса элиты // Национально-культурный компонент в тексте и языке: тезисы докл. V Юбилейной междунар. науч. конф. (Минск, 6—8 дек. 2012 г.). — Минск, 2012. — С. 93—98.
6. Парсонс Т. One for My Baby, или За мою любимую / Тони Парсонс ; [пер. с англ. М. Павловой]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2011.
7. Розанова М. Ellita об элите // Elle : журн. URL: <http://revykin.com/rozanova/09.htm>.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М. : Ad Marginem, 1999.

9. Русакова О. Ф., Русаков В. М. PR-Дискурс: теоретико-методологический анализ. URL: <http://gendocs.ru>.
10. Чудинов А. П., Будаев Э. В. Дискурсивное направление в зарубежной медиалингвистике // Изв. Урал. гос. ун-та. 2006. № 45. С. 167—175.
11. Чудинов А. П. Российская политическая метафора в начале XXI века // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 86—93.
12. Parsons T. Structure and Process in Modern Societies (A Collection of Essays). — Glencoe (Ill.), 1960.
13. Seward I. Diana. An Intimate Portrait. Contemporary Books. — Chicago (Ill.), 1997.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева